

Iwona Rzepnikowska

Uniwersytet Mikołaja Kopernika
Wydział Filologiczny
Katedra Filologii Słowiańskiej
Zakład Literatur Słowiańskich
87–100 Toruń
ul. Fosa Staromiejska 3

Сказки типа «Спор о верности жены» и древнерусские редакции *Повести о купце Беньша Будного* (эпизоды первой части)

Сказки типа «Спор о верности жены» (СУС 882А) в русской народной традиции появились в результате фольклоризации древнерусских редакций *Повести утешной о купце Беньша Будного*, восходящей к *Декамерону* Джованни Боккаччо (9 новелла второго дня). В статье предпринимается попытка выявить формы соотношения эпизодов первой части сказок о верной жене с двумя из пяти литературными редакциями новеллы, т.е. с текстами Первоначальной и Сказочно-былинной редакций. Проведенный анализ показывает, что, естественно, все они формировались еще и под влиянием фольклорного материала, в том числе сказочного и былинного (сказки о невинно оклеветанной купеческой дочери, былины о Ставре Годиновиче).

Ключевые слова: *Декамерон*, *Повесть о купце Беньша Будного*, о верной жене, сказки о невинно оклеветанных красавицах, взаимодействие литературы и фольклора.

Folktales of ‘The Wager on the Wife’s Chastity’ Type and the Old Russian Versions of Bieniasz Budny’s *A Tale of a Merchant* (episodes from the first part)

Russian folktales which belong to ‘The wager on the wife’s chastity’ type (882 in The Aarne–Thompson tale type index) owe their origin to the tale of Zinevra from *The Decameron* (II, 9) by Giovanni Boccaccio. Adapted by the Old Russian literature, it gradually became part of the oral tradition and underwent the process of folklorization. It should be stressed, however, that the tale was not translated directly from Italian but from Polish, and that it was *Historia o kupcu* [*A tale of a merchant*] by Bieniasz Budny that played the role of the mediating text. The reception of the Old Russian translation of the tale was quite favourable, as evidenced by the existence of five versions and the fact that their authors did not limit themselves to passively reproducing the original. Analysis of episodes from the first part of the tales of the faithful wife shows that folk creators were mainly inspired by two Old Russian versions of *Tale of a merchant: A facetious tale* and *A strange tale*. In addition, traces of

inspiration drawn from the byliny about Stavr Godinovich can be found there as well as from tales of other unfairly slandered beauties, for instance those about a merchant's daughter.

Keywords: *Decameron*, *Bieniasz Budny's Tale of a Merchant*, tales of the faithful wife, oppressed innocence, literary inspirations in folklore.

Сказки типа «Спор о верности жены» (СУС 882А) принадлежат к числу тех памятников народной словесности, которые своим происхождением обязаны письменному источнику. Им является, в принципе, *Декамерон* Джованни Боккаччо, а точнее девятая новелла второго дня. Следует, однако, особо отметить, что упомянутая новелла появилась на Руси в конце XVII в. в переложении не с итальянского, а с польского¹. Древнерусский автор, пишет Элиза Малэк, воспользовался текстом *Повести утешной о купце* Беньяша Будного (польское название *Historia krotofilna o kupcu, który się z drugim o cnotę swojej żony założył*), который, в свою очередь, обработал стихотворную версию новеллы какого-то неизвестного польского автора (*Barnabasz. Historyja jako się zacny kupiec z drugim kupcem na cnotę żony swojej założył o zakład nie mały*)².

Протограф древнерусского перевода *Повести о купце* не сохранился, но к настоящему времени известно 12 списков *Повести о купце*, при чем они составляют пять редакций этого памятника, а не четыре, как утверждалось раньше. Условно их можно назвать следующим образом: Первоначальная (представлена 5 списками конца XVII – второй пол. XVIII в.), Краткая (известна в настоящее время по одному списку первой половины XVIII в.), Распространенная (известна по единственному списку XVIII в.), Назидательная (сохранилась в 4 списках, самый ранний из которых датируется последней четвертью XVII – самым началом XVIII в.) и Сказочно-былинная редакции (известна по единственному списку 30-х годов XVIII в.)³.

Повесть о купце, как и несколько других переводных произведений западной повествовательной литературы, со временем перешла в устное бытование и фольклоризовалась. В качестве заглавного героя сказочки вывели все же не купца, а его верную жену. Фольклорные записи сказки встречаются

¹ В переложениях с польского перешли пять из четырнадцати декамероновских сюжетов польских книг фацеций и апофегматов 1570–1670 гг.: спор о верности жены (день II, новелла 9), о приключениях дочери султана, посланной в жены королю (II–7), о монахе, перехитрившем богомольного мужа (III–4), о том, как Тедальдо спас мужа своей возлюбленной (III–7), о женах двух друзей (VIII–8). В полном русском переводе, выполненном Александром Н. Веселовским, *Декамерон* вышел лишь в 1896 году. О. И. Широкова, *Повесть XVII века о купце, заложившемся за честь жены и восточнославянские сказки типа «Спор о верной жене»* (АТ 882А), «Фольклор народов России», вып. 20, Уфа 1993, с. 106.

² Обстоятельный анализ истории создания повести Будного, ее древнерусского перевода, а также этапов адаптации памятника на русской почве провела в своем недавно вышедшем труде Элиза Малэк. См.: ее же, «*Повесть утешная о купце*» Беньяша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью), Łódź 2013.

³ Е. Małek, «*Повесть утешная о купце*» Беньяша Будного в Польше и на Руси..., с. 46–51.

лишь с половины XIX века, со времен появления сборника Александра Н. Афанасьева. До сих пор удалось выявить 33 русских варианта сказки о верной жене, 6 из которых не отмечены в указателе восточнославянской сказки. Две из них были опубликованы уже после выхода указателя [Русск. Устье 1986, № 12; Бараг 1979: 158–160], а четыре других хранятся в архиве Института языка, истории и литературы Карельского научного центра РАН, но имеются в нашем распоряжении [Архив КНЦ, № 1436; № 2387; № 2466; Лойтер 1971, № 14]⁴.

Сопоставление сказок о верной жене с древнерусскими редакциями *Повести о купце* показывает, что в основном они соотносятся с *Повестью утешной*, т.е. с текстами Первоначальной редакции, и с *Повестью чудной*, т.е. со Сказочно-былинной редакцией *Повести*. Все же сказки оказались намного разнообразнее своих предполагаемых источников, а их анализ выявляет, что рассказчики отнесли к *Повести* как к тексту, представляющему собой не единое целое, а состоящему из определенных эпизодов, количество которых можно увеличить или напротив – уменьшить, сами же эпизоды довольно легко поддаются пополнению, перестановке, удалению, соединению, а также другому оформлению и толкованию. Исследователи уже давно отметили, что переходу *Повести* в сказку, с одной стороны, способствовал сам тип сюжета, с другой – именно ее композиционные особенности⁵. К ним, например, Маргарита Вавилова относит: спор-заявление, клевету, переодевание в мужское платье, узнавание. Они очень часто встречаются в сказках и как самостоятельные, и в разных сочетаниях⁶.

Поскольку цель настоящих рассуждений – выявить формы соотношения сказок о верной жене с литературными редакциями новеллы на уровне композиции, а затем систематизировать их, предложенное Вавиловой определение композиционных особенностей *Повести о купце* мы считаем неудовлетворяющим и предлагаем прежде всего учитывать тот факт, что *Повесть* состоит из двух частей. В первой части всего три эпизода: спор-заявление (спор о верности жены и заявление), добывание клеветником доказательств неверности и наказание купчихи⁷. Вторая часть *Повести о купце*, в которой женщина

⁴ Интересно отметить, что в украинском фольклоре сюжет представлен всего пятью вариантами, в белорусском – двумя, а в польском семью вариантами (Т 882 *Zakład o wierność żony*). V. Wróblewska, *Ludowa bajka nowelistyczna. Źródła, wątki, konwencje*, Toruń 2007, с. 158.

⁵ По справедливому замечанию Елеонского *Повесть о купце* представляет собой обработку одного из наиболее распространенных сюжетов о невинно гонимых красавицах. С. Ф. Елеонский, *Старинные переводные повести в русских народных пересказах*, Уч. зап. Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XCIV, Москва 1959, с. 19–34.

⁶ К ним относятся, между прочим, следующие сюжетные типы: СУС 516, –855*, 860В*, –875*, 880, 881, 883А, 888. М. А. Вавилова, *Внутрижанровые разновидности сказки о верной жене*, Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 367: Уроки жанра, Вологда 1969, с. 79.

⁷ В понимании эпизода мы придерживаемся взглядов Николая П. Андреева: «Обычно отдельный сказочный рассказ складывается из нескольких эпизодов; основанием для деления на

доказывает свою невинность, намного сложнее и содержит следующие эпизоды: перемена пола путем переодевания в мужское платье, достижение женщиной высокого служебного положения, определение героиней причины ее бед (т.е. обман клеветника), встреча супругов, публичное изобличение обманщика, раскрытие (выявление) женщиной своего пола, наказание обманщика, возвращение супругов к первоначальному образу жизни. *Повесть чудная* состоит из тех же эпизодов, но они наполняются там несколько другим содержанием. Кроме того, сначала женщина раскрывает свой пол перед мужем, и только потом изобличается и наказывается обманщик.

Присоединение эпизода женитьбы героя в сказках

То, что сильно отличает устные записи сказки о верной жене от предполагаемых литературных источников, притом независимо от типа редакции, это присоединение эпизода женитьбы героя (экспозиция). Мы не будем останавливаться на этом вопросе, поскольку он уже обсуждался исследователями⁸. Отметим лишь, что кроме событий, основанных на свободной творческой фантазии рассказчиков, в экспозиции появляются эпизоды, позаимствованные из других сюжетов, в основном, «Соль» (СУС 1651А) и «Девушка в гробу» (СУС 307)⁹.

Спор о верности жены

Относительно завязки сюжета, то, похоже как и в древнерусских редакциях *Повести о купце*, ее составляет спор о верности жены. В этой сцене сказки соотносятся прежде всего с *Повестью утешной*, с *Повестью чудной*

эпизоды служит перемена места или времени действия, введение новых действующих лиц, появление нового конфликта. Каждый эпизод, в свою очередь, слагается из ряда мотивов, связь между которыми создает единство эпизода». Н. П. Андреев *Проблема тождества сюжета*, [в:] *Фольклор. Проблемы историзма*, отв. ред. В. М. Гацак, Москва 1988, с. 230–243. Данное Андреевым понимание эпизода легло в основу нескольких работ, в которых сегментирование сказочных вариантов было необходимым условием их идентификации, т.е. определения их как вариантов именно этого, а не другого сюжетного типа. См.: Е. И. Лутовинова, *Русские сказки о мачехе и падчерице* (АТ 480). (*Опыт описания и классификации*), АКД, Москва 1991, I. Rzepnikowska, *Rosyjska i polska bajka magiczna (AT 480) w kontekście kultury ludowej*, Toruń 2005.

⁸ М. А. Вавилова, *Внутрижанровые разновидности сказки о верной жене*, с.79.

⁹ Попутно заметим, что кроме женитьбы героя прием контаминации касается еще всего одного эпизода, а именно повышения по службе героини, доказывающей свою невинность. Ср.: I. Rzepnikowska, *Folkloryzacja noweli Giovanniego Boccaccia „Nieszczęścia poczciwej białogłowy”*, «Litteraria Copernicana» (*Italia. Inspiracje włoskie w literaturach słowiańskich*), red. B. Burdziej, A. Kościółek, Toruń 2011, № 1 (7), с. 9–17.

и с былинами о Ставре Годиновиче. Кроме того, есть такие случаи оформления эпизода, для которых мы не находим аналогий в перечисленных источниках.

Спор-заклад в сказках и *Повесть утешная*

Повесть утешная, как известно, начинается с того, что в парижском трактире купцы сомневаются в верности своих жен, объясняя это частыми и длительными отлучками по торговым интересам, в результате которых их жены остаются дома одни. Один из купцов, Амбросий, не стесняется подорвать репутацию собственной жены. Это вызывает досаду у Викентия, по мнению которого для человека нет ничего приятнее, чем мысль об оставленной дома добродетельной и благонравной супруге, любимых детях. Викентий ссылается притом на собственный пример, похваляясь перед всеми красотой и верностью жены. Тем временем Амбросий поддерживает высказанное мнение, более того, утверждает, что любую женщину легко обольстить, в том числе и жену Викентия, что он готов доказать. Викентий ручается головой, что это невозможно. В конечном счете купцы бьются об заклад, а ставкой в споре является 5 тысяч венцов.

С *Повестью утешной* самое выразительное сходство обнаруживает лишь вариант, записанный в 1925 г. от верхнеленской сказочницы (с. Челпанова Верхнеленского района), Натальи О. Винокуровой [Винокурова 1932: 311–317]. Остановившись в трактире, купцы задумываются над тем, что могут делать в это время их жены. Один молодой офицер полагает, что женщины наверно флиртуют с мужчинами, а когда один из купцов заступает за честь своей жены, тот решается оправдать свои подозрения. Выявленные аналогии сказки Винокуровой с *Повестью утешной* тем более интересны, что в дальнейшем (эпизод добывания обманщиком доказательств неверности) она развивается по схеме, известной по *Повести чудной*.

С *Повестью утешной* соотносятся еще варианты, зафиксированные соответственно в 1941 и 1977 гг., в которых клеветник сомневается в том, якобы во время отсутствия мужа (он оставил молодую красавицу-жену одну среди разных приказчиков; собирается на войну) жена осталась ему верной: «А вдруг она полюбит кого-нибудь без тебя другого?» [Ковалев 1956, № 65]; «Уедешь на войну, а жена молодая останется. Надеешься ты на неё? Надеюсь. А если изменит со мной?» [Бараг 1979: 158–160].

Спор-заклад в сказках и *Повесть чудная*

Повесть чудная отличается тем, что однажды в гостинице всего два купца похваляются своими женами. Когда один из них хвастается красотой и верностью своей супруги, второй хочет биться с ним об заклад, притом в присутствии короля, что соблазнит купчиху и в доказательство привезет

обручальное кольцо с ее пальца¹⁰. Король соглашается быть арбитром в споре купцов, все же того, кто хвалится своей женой, он приказывает держать в темнице до возвращения его товарища.

Аналогии с *Повестью чудной* мы нашли естественно в тех сказках, в которых купец похвывается перед товарищами своей женой. Притом он это делает по собственной воле, без какого-либо побуждения или провокации со стороны присутствующих, что сильно его отличает от былинного Ставра Годиновича, которого, как известно, надо заставить похвастаться. По крайней мере так это разрабатывается в олонечкой группе записей¹¹.

Наиболее близким к *Повести чудной* в сюжетном плане мы считаем вариант, записанный в 30-х гг. XX в. от замечательного беломорского сказочника, Матвея Коргуева: «И вот, раз он пьяный, то пошел такой разговор, дошла речь до жен и до верности. Арсений и говорит: Ну, у меня жена очень верная, ведет торговлю и не смущается ни на какие редкосни» [Коргуев 1939, № 56]. Соперник Арсения, естественно, возражает, заявляя, что заставит его супругу «пуститься на разговоры».

По всей вероятности, со сказкой Коргуева была знакома исполнительница одного из непубликованных карельских вариантов сказки, на что указывает сильно искаженное имя главного героя Арсентий Хиона, объединяющее в одно имена двоих персонажей – купца и его жены Хеоны – из сказки Коргуева. Все же сама сцена спора оформляется несколько по-другому, хотя опирается на ту же схему: «У меня жена честная, очень хорошая. Я, говорит, ни за что, смело ручаюсь. А тот и говорит: Давай ударимся, что я твоей жены не собою, так ... пробью» [Архив КНЦ, № 1436].

Нетрезвое состояние способствует похвальбе героя также в сказке белозерского сказочника Андрея М. Ганина. Все же, в противоположность сказке Коргуева, герой оказался в нем явно не по своей воле: «Вот они поили, поили; напоили его без цювствия, он и похвастал: Знаю, что с моей жонки именного перстня не снять и патрету с ней не списать никому» [Соколовы 1915, № 121].

В двух следующих вариантах похвальба героя мотивируется еще по-другому. Это своего рода ответная реакция на поведение собеседников: «Кто чем расхвастаусе. Один хвастаусе богатством, а этот тем, що у меня жена красива, умна, который чем хвастает» [Жив. ст., 1912, II–IV, с. 238–241]; «Выпили купцы изрядно и начали хвастаться, кто чем мог: кто богатством,

¹⁰ Возражая своему собеседнику, похваляющемуся своей супругой, в *Повести чудной* купец заявляет: «я с твоею женою живу», а затем утверждает, что соблазнит жену купца и в доказательство привезет обручальное кольцо с ее пальца. По всей вероятности копиист здесь ошибся. Более правдоподобно и логично здесь будущее время, т.е. что обманщик только намеревается оправдать свои подозрения на счет неверности женщины.

¹¹ Кроме олонечкой группы былин о Ставре Годиновиче, Всеволод Миллер выделяет еще сибирскую, которую он считает более архаичной. В. Ф. Миллер, *Очерки русской народной словесности. Былевой эпос*, Москва 2013, с. 247–264.

кто силой. Иван во хмелю тоже надумал похвастаться: (...) Был я наг и бос, ничего не имел, а теперь имею богатство, да жену и живу с женой в любви и согласии» [Сказкин 1952, № 9]. Если в первом случае клеветник лишь дает понять, что соблазнит купчиху («а я сейчас пойду и под свою руку подведу ее»), то в варианте горьковского исполнителя Сказкина (зап. 1939 г.) соперник нагло на нее клеветает: «Не очень-то она верная».

Похвальба героя как ответная реакция на поведение собеседников встречается в двух вариантах, хранившихся в Архиве Карельского научного центра РАН, записанных в 1976 г. от одной и той же сказочницы [Архив КНЦ, № 2387; № 2466]. Хвастают конем, молодой женой, отцом да матерью, а герой красотой жены (в повторной записи – ее верностью).

В свою очередь, в варианте, зафиксированном в 1946 г в Русском Устье, лишь подразумевается, что купец похвалялся вместе со своими товарищами: «стали хвастать: кто жичьем, кто богатством, кто добрым конем и хто слугой верною». Поведение пирующих вызывает досаду у Голи кабацкой, который из зависти, что никто его ничем не угостил, клеветничает на жену одного из купцов: «Именно я с этой купшихой имею дела» [Русск. Устье 1986, № 12].

Наиболее любопытным является последний из вариантов этой группы, записанный в 1927 г. Василием И. Чернышевым. В начальной своей части эпизод спора-залога относится к *Повести чудной* («увидал своих товарищей, собрал им пир и объявил [...] что он нашел себе верную жену»), в то время как собственно спор разрабатывается, скорее, в духе *Повести утеиной*: «[...] у них завязался с одним товарищем спор. Товарищ говорит, что нет на свете ни одной женщины верных (так!) и при всей публике јихой он уверял, что я использую в измене любвэ его женé и привезу ему ясные доказательства. И сделали залог на все свое богатство» [Чернышев 1950, № 50].

Интересно, что такая завязка сюжета не предопределяет разработку эпизода добывания клеветником доказательств неверности, т.е. в дальнейшем сказки могут развиваться как по схеме известной по *Повести утеиной*, так и по *Повести чудной*.

Уместно здесь подчеркнуть, что сама же *Повесть чудная* считается первым звеном в цепи фольклорных обработок *Повести о купце*, на что впервые обратила внимание Ольга Державина, хотя не привела никаких доказательств в пользу своего предположения¹². Э. Малэк удалось выяснить, что анонимный автор использовал одновременно *Повесть о купце* и старейшие варианты былин-сказок о Ставре Годиновиче¹³. Тем не менее, как сказка *Повесть чудная* впервые была записана относительно поздно, т.е. в 1908 году братьями Соколовыми [Соколовы 1932:319–325].

¹² О. А. Державина, *Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века*, Москва 1962, с. 76.

¹³ Э. Малэк, «*Повесть чудна есть, како жена избави мужа своего от смерти*» – малоизвестный памятник переходной поры, ТОДРЛ, т. 48, Санкт-Петербург 1993, с. 340–341.

Спор-залог в сказках и былины о Ставре Гоудиновиче

Относительно связи эпизода спора о верности жены с былинами о Ставре Гоудиновиче, нас интересует пир у князя Владимира, во время которого, как упоминалось выше, все хвастают, кроме Ставра Гоудиновича. Наиболее близкими мы считаем записи Павла Н. Рыбникова и братьев Соколовых, хотя число объектов и сами объекты похвальбы в них не совпадают. Хвалятся соответственно добрым конем, золотой казной, отцом-матерью, молодой женой [Рыбников 1862: 267–276], богатством, ремеслом [Соколовы 1932:319–325]. За этим следует канонический вопрос: «Что же ты, Дворянин Безсчастный Молодец, ничем не хвастаешь, не похваляешься?» [Рыбников 1862: 267–276]; «А ты што, руськой купець, ницем не хвастаешь?» [Соколовы 1932:319–325]. Независимо от того, чем отличается купчиха (красотой или верностью), обманщик утверждает, что уже ее соблазнил (Рыбников) или готов это сделать и, конечно, доказать (Соколовы).

В сказке Фёдора И. Зыкова, в свою очередь, (20. г. XX в.) объекты похвальбы вообще отсутствуют («Все хвалятся, а он сидит и не хвалится. (...) Ты что жо сидишь? (...) Хошь бы бабой похвалился» [Сиб. 1932: 339–345]), а в записи Елены Шастиной внимание пирующих сосредоточено лишь на женах, притом не все они хвалят своих супругов: «Кто хвалит свою жену, кто ругает. Ну и этого царя давай зудеть: мол, вы чо-то молчите, не похвастаетесь» [Шастина 1971, № 19]. Герой, естественно, поддается на провокации, затем следует спор о верности жены и залог.

Спор-залог в сказках без аналогий в источниках

Отдельную группу составляют сказки, для которых в разработке данного эпизода мы не нашли прямых аналогий ни в *Повести утешной*, ни в *Повести чудной*. Возможно, на некоторые из них повлияли другие истории о невинно оклеветанных красавицах, например, о купеческой дочери. С большой долей вероятности можно предположить, что среди возможных источников были тексты как письменные, в основном, лубочные, так и фольклорные¹⁴. Но это дело предстоящих исследований. Тем временем в разработке данного эпизода постараемся лишь вскрыть некоторые закономерности.

В большинстве сказок обманщик не клеветничает на купеческую жену просто так, без какого бы то ни было основания. Напротив, это вполне мотивировано, притом отнюдь не отлучкой мужа по торговым делам, что было

¹⁴ О сосуществовании фольклорной и письменной традиции в репертуаре многих сказочников см.: К. Корепова, *Северные сказочники и книжная лубочная культура*, <http://kizhi.karelia.ru/library/tyabinin-1999/191.html> (режим доступа: 16.10.2014).

характерно для *Повести утешной*, а социальным происхождением купчихи, чаще всего ее бедностью: «А где брали жену-то? У сапожника [...]. Хм, да, напрасно, значит: несправедлива хозяйка ваша, прямо сказать, я с ей гулял сей год» [Карнаухова 1934, № 147]; «я не на богатой, а на бедной девушке женюсь [...] Старший брат стал над ним всегда смеяться» [Красноженова 1937, № 7]; «Первые стали смеяться (...), зачем он сам богатый, а жену взял бедную. (...) знаешь ли, ведь твоя жена меня любит, а не тебя» [Смирнов 1917, № 337]).

Значительно реже достаточным поводом для сомнений в верности является экономическая состоятельность женщины («Как же ты таким богатеешь стал? Жена Марья в купцы меня вывела. А ты надеешься на нее? Надеюсь. Не надейся, она может изменить» [Башк. Урала 1974, № 9]).

Кроме того, поведение обманщика бывает своего рода формой возмездия за утраченную позицию в семье (старшие братья наговаривают на жену младшего) [Акимова 1946, № 370], за возможную потерю царских привилегий («придется нашим женам купчихе кланяться. [...] я сам ее давно знаю, не раз с нею на постели леживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная» [Афанасьев 1957, № 336; № 337]) или за пострадавшее мужское самолюбие [Садовников 1932: 326–337].

В этом плане примечателен последний из перечисленных вариантов, записанный Дмитрием Н. Садовниковым в 70-х годах XIX в. от одного из наиболее талантливых сказочников, Абрама Новопольцева. Оригинальность сказки состоит в нарушении канонической последовательности событий. После неудачной попытки соблазнить жену своего старшего брата («Он с ней поиграл, за титечки ее трепал; ей эта игра не показалась, она его в беремья схватила и в дверь вытолкала. Ему стало совестно, он и ушел»), обманщик узнает приметы на теле купчихи и достает ее обручальное кольцо, притом ему помогает старуха-большое брюхо, и только после этого устраивает сцену спора-залога, заявляя в трактире в присутствии других купцов, что: «Чай об деревенщине скучился, об жене своей».

Наиболее оригинально, притом совсем далеко от *Повестей* причины спора и сам спор разрабатываются в сказке, опубликованной Владимиром Бахтиным и Пелагеей Ширяевой. Банкир, проигравший в карты все имущество, шантажирует купца: «дай мне хоть на житье немножко. [...] ести ты не дашь, я, – говорит, – у тебя отобью жену» [Бахтин–Ширяева 1976, № 79]. Тот, естественно, возражает («Нет, моя жена тебе не поддается!») и бьется с банкиром об заклад.

И, наконец, в нескольких сказках вообще нет спора-залога, а поведение обманщика ничем не мотивировано: собравшемуся в дорогу товарищу он просто заявляет, что легко соблазнит купчиху («я с твоей женой без тебя познакомлюсь» [Эрленвейн 1863, № 14]). В варианте Зеленина кто-то пишет купцу, что жена ему изменяет [Зеленин 1915: 526–527; ср. тоже Лойтер 1971: 14].

Добывание клеветником доказательств неверности в *Повестях*

В *Повести утешной*, как известно, Амбросий проникает в спальню Флорентии в сундуке некоей бабы-помощницы, ворует у нее пояс и кольцо, а также подсматривает через отверстие в сундуке приметы на ее теле. С этими доказательствами неверности Амбросий возвращается в Париж и, естественно, выигрывает пари. Викентий приказывает слуге убить жену, но тот, тронутый просьбами купчихи, дарует ей жизнь, передает собственную одежду и приказывает больше не возвращаться домой.

В *Повести чудной*, в свою очередь, добравшись до дома купчихи, клеветник выявляет свои намерения некоей бабе. Она помогает ему попасть в дом купчихи. Он выдает себя за приятеля мужа. Во время беседы начинает обольщать купчиху. Та соглашается на предложение гостя, но, разгадав его умысел, переодевает в свое платье служанку, надевает ей на палец свое кольцо и посылает вместо себя в спальню. Клеветник очень спешит, поэтому обрезает служанке палец с кольцом и быстро уезжает. Король, увидев доказательство неверности жены купца, приговаривает его к смерти.

Добывание клеветником доказательств неверности в сказках и литературные редакции *Повести*

В противоположность двум предыдущим эпизодам только эпизод добычи обманщиком доказательств неверности указывает на зависимость всех сказок от конкретной редакции *Повести*, позволяя таким образом идентифицировать данные варианты как варианты именно этого, а не другого сюжетного типа и может стать основой их классификации. Кроме того, именно та часть повествования обуславливает дальнейший ход сказочных событий, в основном восстановление героиней своей репутации, что оказывается более сложным в случае, если сказки восходят к *Повести утешной*. Сказанное позволяет поделить все сказки о верной жене на три группы.

Первая группа вариантов отличается прежде всего тем, что в ней клеветник обманом достает доказательства неверности (кольцо и пояс), к тому же он делает это самостоятельно или его выручает старушка, служанка, кухарка и т.п. Из сказанного следует, что анализируемая категория сказок составляет две разновидности. Поскольку в одной из них обманщик добывает перстень (серьги, пояс), проникнув в спальню купчихи в сундуке (в шкафу, в коробе), ее можно условно назвать «Сундук в спальне» [Афанасьев 1957, № 337; Соколовы 1915, № 121; Сиб., 1932: 339–345; Красноженова 1937, № 7; Ковалев 1956, № 65; Бахтин–Ширяева 1974, № 79; Русск. Устье 1986, № 12; Бараг 1979: 158–160], а вторую – «Старуха-воровка» [Афанасьев 1957, № 336; Эрленвейн 1863, № 14; Садовников 1932: 326–337; Жив. ст., 1912, II–IV: 238–241; Смирнов 1917, № 337; Карнаухова 1934, № 147; Коргуев 1939, № 56; Сказкин 1952,

№ 9; Рыбников 1862: 267–276; Комовская 1951, № 88; Башк. Урала 1974, № 9; Архив КНЦ, № 1436, 2387, 2466; Лойтер 1971, № 14; Акимова 1946, № 370; Зеленин 1915: 195–196)]¹⁵.

К третьей группе относятся сказки, восходящие к *Повести чудной*, поскольку в них тоже выступает мотив отрезанного пальца. Обманщик лично встречается с купчихой под видом приятеля ее супруга и во время беседы начинает ее обольщать. Ловкая женщина якобы соглашается на предложение, но в спальню посылает свою служанку, которой соблазнитель отрезает палец с обручальным кольцом госпожи. Именно эту разновидность сказок условно можно назвать «Отрезанный палец» [Соколовы 1932: 319–325; Винокурова 1932: 311–317; Чернышев 1950, № 50; Шастина 1971, № 19]¹⁶.

В данной классификации обращает внимание количественное превосходство сказок типа «Старуха-воровка», которые не соответствуют тому, что известно из рукописных повестей.

Наказание купчихи в *Повестях*

Что касается эпизода наказания купчихи, то стоит отметить, что он характерен лишь для *Повести утешной*. В *Повести чудной* наказывается, в принципе, проигравший заклад купец. В сказках, так как и в *Повести утешной*, увидев драгоценности супруги в руках соперника, купец ни на мгновение не сомневается, что они – доказательство ее измены. В результате он хочет убить жену [Эрленвейн 1863, № 14; Жив. Ст., 1912, II–IV: 238–241; Смирнов 1917, № 337; Карнаухова 1934, № 147; Лойтер 1971, № 14; Архив КНЦ, № 2387; № 2466], сильно ее избивает [Сиб., 1932: 339–345; Русск. Устье 1986, № 12], оставляет в лесу на произвол судьбы [Красноженова 1937, № 7; Садовников 1932: 326–337], изгоняет из дома [Соколовы 1915, № 121; Бахтин–Ширяева 1976, № 79], продает встреченному человеку [Рыбников 1862: 267–276]. В некоторых вариантах муж покидает семью без объяснения причин [Бараг 1979: 158–160; Башк. Ур., 1974, № 9], или просто не возвращается домой, чем наталкивает жену на разные домыслы [Чернышев 1950, № 50; Сказкин 1952, № 9; Ковалев 1956, № 65; Архив КНЦ, № 1436]. В записи Татьяны Акимовой, в свою очередь, жена покидает мужа, поскольку его равнодушие к ней невыносимо:

¹⁵ В данной классификации не учтены следующие варианты: Зеленин 1915: 526–527; Афанасьев 1957, № 313 и 314; Сиб., 1932: № 33. По нашему мнению, их принадлежность к сказочному типу 882А кажется сомнительной и нуждается в уточнении.

¹⁶ Как полагает, например, Марк К. Азадовский, более древними следует считать сказки с мотивом отрезанного пальца, поскольку данный мотив встречается в европейских рукописях конца XII – начала XIII вв. Как сказка *Повесть чудная* записана, однако, впервые в 1908 году, т.е. относительно поздно. Цит. по: М. А. Вавилова, *Внутрижанровые разновидности...*, с. 79–80.

«Папаша, с ним жить не хочу – он хуже стены стал. К стене припрешься – она не отклоняется, а к нему припрешься, он отклоняется» [Акимова 1946, № 370].

В разработке сцены наказания якобы неверной жены *Повесть утешную* напоминает лишь вариант Коргуева, поскольку муж приказывает убить жену, хотя, правда, не слуге, как в *Повести утешной*, а своему сопернику [Коргуев 1939, № 56]. Предполагается, что это, скорее, не результат знакомства Коргуева с *Повестью утешной*, а его «начитанности», тем более, что заметно здесь еще одно существенное отступление от книжного источника¹⁷. Дело в том, что, во-первых, в доказательство исполнения приговора купец приказывает сопернику прислать ему голову жены, во-вторых – дальше в тексте речь идет о том, что тот послал голову собаки. По всей вероятности, здесь должно появиться сердце, как, например, в другой истории о невинно оклеветанной красавице, т.е. купеческой дочери¹⁸.

Проведенный в настоящей статье анализ эпизодов первой части сказок о верной жене в некоторых случаях позволяет точно установить, в других – лишь предполагать, что в сущности все они формировались не только под влиянием литературных редакций *Повести о купце*. Они – результат определенного, не всегда мотивированного, отбора, иерархизации, редукции и компрессии литературного, сказочного и шире – фольклорного материала¹⁹. Для полного подтверждения наших предположений необходимо, естественно, предпринять дальнейшие исследования.

Список вариантов сказок о верной жене

- Акимова 1946, № 370 – Фольклор Саратовской области / кн. 1. Сост. и вступит. статья Т. М. Акимовой, ред. А. П. Скафтымов. Саратов, 1946. С. 252–258 (*Про полковника*, записана от М. В. Алешинной).
- Афанасьев 1957, № 336, № 337 – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах: т. 3 / подг. текста и примеч. В. Я. Проппа. Москва, 1957. С. 73–79 (*Оклеветанная купеческая дочь*, записано в Воронежской области).

¹⁷ Как неграмотный человек, с книжной культурой Коргуев был знаком опосредованно, т.е. слышал книги, в том числе лубочные сказки, при чтении их кем-то. К. Корепова, *Северные сказочники и книжная лубочная культура*, <http://kizhi.karelia.ru/library/gyabinin-1999/191.html> (режим доступа: 16.10.2014).

¹⁸ Имеется в виду *Гистория об италианском купце Феодоне и о дочери его Освилберде и о гишпанском министре* Ордоне. Отец приказывает сыну убить распутную, по его мнению, дочь и в доказательство этого привезти ее сердце. Интересно, однако, что в фольклорных обработках *Повести* мотив доказательства смерти отсутствует. С. Ф. Елеонский, *Старинные переводные повести в русских народных пересказах*, с. 20–24.

¹⁹ Настоящая статья является обновленной, переработанной и *расширенной* версией доклада, прочитанного нами на III Всероссийском Конгрессе фольклористов, который будет опубликован в виде статьи. Уточняются и во многих отношениях переосмысливаются наши наблюдения, высказанные в основном по поводу соотношения эпизода спора-залога с древнерусскими редакциями *Повести о купце*.

- Бараг 1979: 158–160 – *Бараг Л. Г.* Новая запись сказки о святом Николе-поручителе // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1979. С. 158–160 (*Про Миколу Угодника, Елену Прекрасную и Португя-Прапорщица*, записана от А. А. Калининичевой).
- Бахтин–Ширяева 1976, № 79 – Сказки Ленинградской области / собр. и подгот. к печати А. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976. С. 239–248 (*Соловьев и Воронов*).
- Башк. Ур., 1974, № 9 – Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала / отв. ред. Л. Г. Бараг. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 20–25 (*Иван да Марья, или спор о верности жены*, записана от К. Д. Мерзлякова в 1969 г.).
- Винокурова 1932: 311–317 – *Русская сказка. Избранные мастера* / ред. и коммент. М. К. Азадовского: т. II. Л., 1932. С. 311–317 (*Верная жена*, записана от Н. О. Винокуровой в 1915 г.).
- Жив. Ст., 1912, II–IV: 238–241 – «Живая старина», 1912. Вып. II–IV. С. 238–241 (*Иванушко купеческой сын*).
- Зеленин 1915: 195–196 – Великорусские сказки Вятской губернии. С приложением шести вотяцких сказок, сб. Д. К. Зеленина. Петроград, 1915. Т. XLII. С. 195–196 (*Купеческий сын*, записано от А. К. Селезенова).
- Зеленин 1915: 526–527 – Великорусские сказки Вятской губернии. С приложением шести вотяцких сказок, сб. Д. К. Зеленина. Петроград, 1915. Т. XLII. С. 526–527.
- Карнаухова 1934, № 147 – Сказки и предания Северного края / запись, вступит. статья и коммент. И. В. Карнаухова. Л., 1934. С. 302–307 (*Спор*, записана в 1928–29 г.).
- Ковалев 1956, № 65 – *Русские народные сказки*, состав., автор предисл. и примеч. Э. В. Померанцева. Москва, 1956. С. 394–408 (*Два купца*, записана от И. Ф. Ковалёва).
- Комовская 1951, № 88 – Предания и сказки Горьковской области // зап. и ред. текстов, вступит. Статья и примеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1951. С. 163–167 (*Про Аннушку*).
- Коргуев 1939, № 56 – *Сказки М. М. Коргуева* / запись, вступит. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Кн. 1. Петрозаводск, 1939. С. 358–369 (*Арсений и Хеона*, записана от М. М. Коргуева).
- Красноженова 1937, № 7 – *Сказки Красноярского края. Сборник М. В. Красноженовой* / под общей ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Ленинград, 1937. С. 71–81 (*Бессудный генерал*, записана от Е. И. Чичаевой в 1927 г.).
- Лойтер 1971, № 14 – *Сказка о Катайкове и Незнайкове*, записано от И. А. Пустошкина, 72 года, д. Рагнозеро. Шифр: Архив КНЦ, кол. 92, № 14. Записала С. М. Лойтер 15 июля 1971.
- Архив КНЦ, № 1436 – *Фонотека Института языка, истории и литературы Карельского научного центра РАН*, № 1436, 1. Текст записан в 1969 г. Н. Криничной от А. В. Клепичиной, 74 г., д. Филिमониha.
- Архив КНЦ, № 2387 – *Фонотека Института языка, истории и литературы Карельского научного центра РАН*, № 2387, 1. Текст записан в 1976 г. В. Кузнецовой от М. Н. Васюновой, 74 г., д. Водла.
- Архив КНЦ, № 2466 – *Фонотека Института языка, истории и литературы Карельского научного центра РАН*, № 2466. Повторная запись от М. Н. Васюновой, 74 г., д. Водла.
- Русск. Устье 1986, № 12 – *Фольклор русского Устья* / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Ленинград, 1986. С. 81–84 (*О Голи кабацкой*, записано от Н. А. Габышева).
- Рыбников 1862: 267–276 – *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым*. Ч. II: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862. С. 267–276 (*О дворянине Безсчастном молодце*).
- Садовников 1932: 326–337 – *Русская сказка. Избранные мастера* / ред. и коммент. М. К. Азадовского. Т. II. Л., 1932. С. 327–338 (*Оклеветанная жена*, записана от А. Новопольцева).
- Сиб., 1932: 339–345 – *Русская сказка. Избранные мастера* / ред. и коммент. М. К. Азадовского: т. II. Л., 1932. С. 339–345 (*Верная жена*, записана от Ф. И. Зыкова).
- Сиб., 1932, № 33 – *Русская сказка. Избранные мастера* / ред. и коммент. М. К. Азадовского: т. II. Л., 1932.

- Сказкин 1952, № 9 – *Сказки М. А. Сказкина* / вступит. статья, запись и ред. текстов, примеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1952. С. 81–90 (*Иван-добриволец*, записана от М. А. Сказкина).
- Смирнов 1917, № 337 – *Сборник великорусских сказок архива РГО*. Вып. II, издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. С. 852–853 (*Три купца*).
- Соколовы 1932: 319–325 – *Русская сказка. Избранные мастера* / ред. и коммент. М. К. Азадовского: т. II. Л., 1932. С. 319–325 (*Верная жена*, записана от М. И. Медведевой в 1908 г.).
- Соколовы 1915, № 121 – Сказки и песни Белозерского края, зап. Б. и Ю. Соколовы. Москва, 1915, № 121 (*Как купец бился об заклад о своей жене*, записана от А. М. Ганина).
- Чернышев 1950, № 50 – *Сказки и легенды пушкинских мест. Записи 1927–29* / зап. на местах, набл. и иссл. В. И. Чернышёва, подг. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. Москва–Ленинград, 1950. С. 131–139 (*О верной жене*, записана от А. Е. Новикова в 1927 г.).
- Шастина 1971, № 19 – Шастина Е. *Сказки ленских берегов*. Иркутск, 1971. С. 106–110 (*Ниченка*, записана от Г. Б. Дерягина).
- Эрленвейн 1863, № 14 – *Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии* / изд. А. А. Эрленвейна. М., 1863. С. 73–78. 15 (*Про купцову жену*, записана в 1863 г.).